
Мона Мур
НЕ БУДИТЬ ДО ОБЕДА
Ой, мамочки...
или отпуск строгого режима

Мона Мур
Ой, мамочки или отпуск строгого режима

https://litres.ru/74756872

Аннотация

Мечтаете о тишине, трехразовом питании и восьми часах беспробудного сна? Многодетная мать Надежда Смирнова тоже мечтала. Но выиграла поход в элитный СПА-салон, где ее… по ошибке похитили опасные бандиты, перепутав с капризной женой олигарха.

Одинаковые розовые халаты, огурцы на глазах - и вот Надя уже в сыром темном подвале.

Бандиты ждали слез, паники и мольбы о пощаде. Надя оценила звукоизоляцию, завернулась в плед и велела не будить ее до обеда. После десяти лет жизни с четырьмя детьми, мужем и родительским чатом 4-го «Б» криминальный плен показался ей лучшим пятизвездочным курортом системы «все включено».

Пока похитители пытаются выбить выкуп у ничего не понимающего олигарха, Надежда берет логово в свои руки:

* Двухметровый громила со слезами на глазах довязывает шарф и прорабатывает детские травмы.

* Компьютерный гений банды забывает про энергетики и учится есть суп по расписанию.

* Главарь синдиката пьет ромашковый чай от язвы и драит полы по графику дежурств.

А дома муж впервые остался один на один с хозяйством и осознал: апокалипсис наступил.

Когда бандиты в панике решают вернуть заложницу бесплатно, Надя баррикадирует дверь изнутри. Ее законный отпуск еще не закончился!

Искрометная комедия положений о том, что настоящую русскую мать нельзя запугать пленом - ее можно только случайно там оставить на пару дней передохнуть.

Друзья, забирайте книгу в библиотеку, не забывайте ставить лайку и оставлять комментарии, я буду вам очень благодарна. Всех люблю!

ВНИМАНИЕ. После завершения книга станет платной

Содержание

Глава 1. СПА-салон «Нирвана» и роковая ошибка 5
Глава 2. Подвал категории «Люкс» и 14 часов тишины 16
Глава 3. Звонок с того света и коварный замысел Карташова 28
Глава 4. Гастрономический переворот и трудотерапия 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Глава 1. СПА-салон «Нирвана» и роковая ошибка

Если бы Надежде Смирновой кто-нибудь сказал, что лучший день в ее жизни начнется с публичного позора в районном доме культуры, она бы даже не удивилась. В жизни матери четверых детей позор давно перестал быть эмоцией и перешел в категорию расписания. Понедельник - забытая сменка, среда - кот насмерть застрял в пододеяльнике, суббота - позор.

Победу в конкурсе «Мать года Юго-Западного округа» Надежда не планировала. Она вообще шла в ДК забрать младшего, трехлетнего Павлика, с репетиции ансамбля «Ложкари», где тот успел методично облизать декоративную березу и попытался разобрать аккордеон. Но в фойе ее настигла завуч местной гимназии с дикими глазами и бейджиком «Оргкомитет». Оказалось, многодетная мать от третьего микрорайона слегла с ветрянкой, и округ срочно требовал закрыть брешь в отчетности живым человеком с пропиской и потомством.

- Наденька, выручай, там в жюри зампрефекта! - взмолилась завуч, впихивая Надежде в руки букет увядших астр. - Надо просто выйти на сцену, улыбнуться и сказать, что семья - это ячейка!

Надежда, не спавшая с 2011 года примерно ни разу, вышла. На конкурсе «Визитка» она монотонным голосом перечислила симптомы ротавируса, коклюша и педагогической запущенности. На кулинарном этапе за тридцать секунд с закрытыми глазами нарезала килограмм моркови соломкой толщиной в микрон, попутно отобрав у сидевшего в первом ряду депутата подозрительно щелкающую зажигалку («Дениска, брось каку, я кому сказала!»). А в финальном интеллектуальном раунде безошибочно расшифровала аббревиатуры СНИЛС, ОГЭ, ВПР и СанПиН 2.4.1.3049-13, не приходя в сознание.

Зал рыдал. Жюри аплодировало стоя.

Главным призом должна была стать микроволновка с грилем - мечта, ради которой Надя уже мысленно освободила тумбочку на кухне. Но спонсор мероприятия, владелец элитного девелоперского бюро, решил блеснуть щедростью и в последний момент заменил бытовую технику на «Сертификат абсолютного преображения» в ультра-люксовый спа-комплекс «Нирвана», затерянный среди сосен и трехметровых заборов Рублево-Успенского шоссе.

- Микроволновку верните, ироды… - тихо прошептала Надежда, сжимая в кулаке ламинированный золотой картон.

- Мама, ты поедешь мыться к богачам! - радостно закричал семилетний Денис, вытирая шоколадные пальцы о мамино пальто.

Муж Валера, флегматично дожевывая пирожок с повид-

лом, почесал затылок разводным ключом, который по привычке таскал в заднем кармане джинсов, и вынес вердикт:

- Езжай, Надюха. Заслужила. А мы тут с пацанами сами справимся. Что мы, макароны не сварим? Дом не спалим. Наверное.

Это «наверное» эхом стояло в ушах Надежды, когда ровно в десять утра следующего дня она переступила порог «Нирваны».

***

В «Нирване» пахло большими, неправедно нажитыми деньгами, лемонграссом и абсолютной безнаказанностью.

Здесь не было звуков. Вообще. Пол из молочно-белого мрамора глушил шаги, где-то в невидимых динамиках томно вздыхали тибетские чаши, а персонал перемещался в пространстве со скоростью и бесшумностью обученных ниндзя. Надежду сразу же взяли в оборот: отобрали пуховик со следами детского пюре «Яблоко-кабачок», выдали безразмерный махровый халат цвета ядовитой фуксии и проводили в VIP-сектор «Абсолютный детокс».

- Сегодня вы принадлежите только космосу и себе, - прошептала фея-администратор с лицом, не тронутым ни единой человеческой эмоцией.

- Главное, чтобы не детям, - искренне ответила Надя, залезая на кушетку, застеленную тремя слоями подогретых простыней.

Процедура «Королевское обновление» была конвейером

роскоши. На лицо Надежды лег толстый, приятно холодящий слой черной грязи мертвого моря, поверх которого легли два мокрых кружочка огурца. Голову туго спеленали белоснежным полотенцем-тюрбаном, полностью закрывшим уши.

Через десять минут Надежда Васильевна Смирнова отключилась.

Это не был обычный сон. Это был глубокий, беспросветный, тяжелый материнский анабиоз. Когда в организме женщины накапливается дефицит сна за шестнадцать лет, ее мозг при первой же возможности выключает все рубильники жизнедеятельности. Пульс Нади упал до уровня спящего сурка. Если бы рядом взорвалась граната, Надя лишь плотнее натянула бы одеяло.

А ровно через стенку, в соседней точно такой же полутемной кабинке, лежала Стелла Кондратьева.

Стелла - законная супруга строительного магната Аркадия Кондратьева - находилась в состоянии перманентной экзистенциальной драмы. Ей было тридцать два, у нее было три высших образования по астрологии, два шпица и муж, который упорно отказывался понимать тонкую организацию ее чакр.

- Я улетаю на Алтай, - шипела Стелла в телефон за минуту до того, как косметолог налепила ей огурцы на глаза. - Аркаше я сказала, что еду к маме в Воронеж. Телефон выключаю на неделю. Никаких вибраций, только молчание, кедровые

орехи и шаман Батыр. Если он будет искать - скажи, что я в астрале.

Стелла завернулась в точно такой же фирменный розовый халат «Нирваны», получила свою порцию черной грязи, тюрбан на голову и погрузилась в медитацию под шум личного гидромассажного джакузи, бурлившего в углу кабинета, как горная река.

Две женщины. Два одинаковых розовых халата. Две маски из черной глины, стирающие любые черты лица. Два огуречных кругляша.

И три идиота за забором.

***

В пятидесяти метрах от черного входа спа-салона, в кустах орешника, дрожал от сырости и нервного тика синий микроавтобус «Соболь». Внутри пахло дешевым табаком, валидолом и жареными пирожками.

Командовал операцией Эдуард, в узких полукриминальных кругах известный как «Граф». Прозвище он получил за привычку носить драповое пальто с фальшивым норковым воротником и цитировать к месту и не к месту строчки из Блока. Правда, последние пять лет Граф страдал прогрессирующей язвой двенадцатиперстной кишки, из-за чего его лицо сохраняло выражение скорбной интеллигентности.

- Леха, повтори диспозицию, - глухо приказал Граф, прижимая к правому подреберью грелку. - И ради всего святого, не чавкай.

На заднем сиденье замер двухметровый шкафоподобный субъект по кличке «Бык». Челюсть у Быка была квадратной, кулаки напоминали гири для засолки капусты, а в огромных ручищах он бережно держал спицы, вывязывая пушистый шарфик из меланжевой пряжи.

- Че повторять-то, Граф? - прогудел Бык, аккуратно спуская петлю. - Заходим через прачечную. Димон глушит камеры. Берем бабу в розовом халате из крайнего бокса. Пакуем в ковер. Грузим сюда. Звоним ее мужику Кондратьеву. Заказчик Карташов переводит нам пятьдесят штук зелени, Кондратьев в слезах отказывается от тендера на застройку набережной. Мы на Мальдивах. Ты лечишь желудок, я покупаю пряжу в Милане.

- Избавь меня от подробностей своей текстильной утопии, - поморщился Граф. - Димон, что со связью?

На полу минивэна, скрючившись буквой «зю», сидел Димон-Хакер. Вид у Димона был такой, словно его вырастили в подвале на диете из чипсов и радиации монитора.

- Глушилка работает, - прошепелявил Димон, щелкая клавишами засаленного ноутбука. - Сервер безопасности салона висит. У них на мониторах сейчас бесконечная реклама стирального порошка. У нас есть ровно четыре минуты, пока охрана сообразит, почему вместо VIP-клиенток им показывают скидки на кондиционер для белья.

- С богом, господа экспроприаторы, - вздохнул Граф, натягивая на лицо черную вязаную шапку с прорезями для

глаз, которую ему накануне с заботой связал Бык (прорези получились кривыми, и левый глаз Графа видел только внутреннюю шерсть). - Работаем чисто. Без эксцессов. Женщина должна быть доставлена в целости и сохранности. Мы похитители, а не живодеры.

***

Дверь прачечной поддалась легко - Бык просто нажал на ручку плечом, выломав щеколду вместе с куском пластикового косяка. Внутри пахло паром и лавандой.

Преступники крадучись двинулись по коридору. Ковролин цвета морской волны скрадывал шаги. Граф, придерживая пистолет Макарова (в котором для экономии не было патронов), сверился со схемой, которую на салфетке нарисовал заказчик Карташов: - «Бокс номер четыре. Табличка «Релакс». Вот она. Бык, готовь полотно.

Бык развернул толстый полушерстяной ковер с классическим советским оленьим орнаментом - реквизит, позаимствованный с дачи покойной бабушки.

Они тихо толкнули дверь.

В полумраке кабинета, под успокаивающее бульканье аромалампы, на высокой кушетке лежала цель. Розовый халат, тюрбан, черная маска, огурцы. Полная неподвижность. Ни крика, ни вздоха.

В соседнем боксе яростно бурлило джакузи Стеллы Кондратьевой, заглушая любые шорохи, но бандиты туда даже не заглянули. Зачем? План безупречен, жертва найдена.

- Вяжи, - шепнул Граф.

Бык подошел к кушетке, ожидая яростного сопротивления, визга на ультразвуке, ударов наманикюренными коготками и попыток откупиться бриллиантами. Он напряг бицепсы, готовясь фиксировать бьющуюся в истерике светскую львицу.

Бык сгреб Надежду в охапку.

Надежда Васильевна Смирнова, находящаяся на восьмом уровне сна, лишь сладко причмокнула губами, перевернулась на другой бок и поудобнее устроила голову на широком плече похитителя.

- Ого, - прошептал Бык, опешив. - Граф, она не рыпается. Она… она вроде как улыбается.

- Психологический шок, кататония, - авторитетно констатировал Граф, нервно оглядываясь. - Мозг заблокировал рецепторы ужаса. Заворачивай скорей, пока не отмерла!

Они раскатали бабушкин ковер прямо по кушетке, перевалили туда многодетную мать, плотно запеленали ее, как гигантскую шаурму, и перетянули бельевой веревкой в трех местах.

В этот момент Надежда сквозь вату глубочайшего релакса почувствовала, как ее тело плотно и тяжело облегло нечто шершавое и теплое. *«Господи… - блаженно подумала Надя, даже не пытаясь открыть глаза под огурцами. - Какое глубокое прогревание… Какая компрессионная терапия… С утяжелителями. Наверное, тибетская методика. Девочки*

в чате умрут от зависти…»

- Взяли! - скомандовал Граф.

Бык легко закинул семидесятикилограммовый ковровый сверток себе на плечо.

Они выбежали через прачечную, едва не сбив тележку с чистыми полотенцами. На улице моросил мелкий ноябрьский дождь. Задняя дверь «Соболя» распахнулась, ковер с Надеждой глухо брякнулся на старый матрас в грузовом отсеке. Бык с грохотом захлопнул створки.

От этого звука Надя слегка вынырнула из небытия. Вокруг было темно, прохладно, пахло бензином и почему-то шерстяными носками. Под спиной мерно и успокаивающе вибрировал пол.

«Гидромассаж с вибростендом и элементами ароматерапии… - сонно зафиксировал ее мозг. - Божественный сервис. Никто не орет «Мама, он первый начал!». Никто не требует жрать. Господи, продли этот сеанс вечно…»

И Надежда Смирнова снова провалилась в счастливый, безмятежный сон младенца.

***

- Поехали, поехали, газуй, щегол! - орал Граф, плюхаясь на переднее сиденье и судорожно запихивая в рот таблетку омепразола.

Димон вдавил педаль в пол. Старый «Соболь», взревев пробитым глушителем, выскочил из переулка и помчался в сторону глухих лесов Новой Риги, вздымая колесами серую

жижу.

- Чисто сработали! - радовался Бык, утирая пот со лба рукавом свитера. - Как в кино про итальянцев! Ни шума, ни пыли! Даже ногти не обломала. Слушай, Граф, а эти богачки - они все такие смирные? Я думал, она мне глаза выцарапает, а она только носом хрюкнула и дальше дрыхнет.

- Это порода, Леха, - глубокомысленно изрек Граф, глядя в зеркало заднего вида. - Аристократическое воспитание. Холодное презрение к плебеям перед лицом неизбежности. Они с детства тренируют выдержку в швейцарских пансионах. Сейчас приедем на базу, снимем маску, она опомнится и начнет предлагать нам миллионы. Главное - держать марку. Мы должны выглядеть беспощадными профессионалами.

Димон нервно хихикнул: - Граф, я телефон Кондратьева пробил. Звонить будем через прокси-сервер с модуляцией голоса. Я настроил голос «Инфернальный робот-убийца».

- Отставить робота, - отрезал главарь. - Мы приличные преступники. Говорить буду я. Спокойно, веско, с легким налетом фатализма.

Тем временем в спа-салоне «Нирвана» Стелла Кондратьева вышла из джакузи, промокнула лицо шелковым полотенцем, натянула угги, накинула соболиную шубку и, никем не замеченная, выскользнула через главный вход к ожидавшему ее такси до аэропорта.

Впереди ее ждали Алтай, шаман Батыр и семь дней абсолютной тишины без сотовой связи.

А в грузовом отсеке удаляющегося в чащу фургона «Мать года» Надежда Смирнова сладко всхрапнула, перевернулась в ковре на правый бок и улыбнулась во сне.

Ее законный отпуск наконец-то начался.

Глава 2. Подвал категории «Люкс» и 14 часов тишины

База отдыха «Березка», законсервированная еще в эпоху позднего застоя, умирала медленно и с достоинством. Вокруг на два десятка километров простирались глухие сосновые леса, в которых даже волки предпочитали передвигаться по навигатору. Деревянные домики с облупленной зеленой краской давно вросли в мох, а главный кирпичный корпус административного блока хранил на стенах монументальные плакаты: «Пионер, береги народное добро!» и «Чистота - залог здоровья».

Именно сюда, в цокольный этаж с глухими бетонными перекрытиями толщиной в метр, банда «Черная пятница» доставила свою драгоценную добычу.

Затаскивать семидесятикилограммовый шерстяной сверток по узкой лестнице оказалось задачей не из легких. Бык, кряхтя и обливаясь потом, тащил ковер на широком загривке, стараясь не задевать углы.

- Осторожнее, балбес! - шипел Граф, спускаясь задом наперед и подсвечивая дорогу тусклым китайским фонариком. - Не кантовать! Если мы растрясем жену олигарха до того, как получим выкуп, Карташов с нас шкуру спустит без наркоза.

- Да она тяжелая, Граф! - пыхтел Бык. - Вроде с виду худая, а ковер будто свинцом налили. И спит… Слышь, как сопит? Никакого инстинкта самосохранения у буржуев.

- Это шоковая кома, дебил, - авторитетно пояснил Димон, семеня сзади с пуком проводов, ноутбуком и трехлитровой банкой энергетического пойла под мышкой. - Психосоматическая реакция нервной системы на внезапную депривацию свободы. Я в одном аниме видел: там героиню связали, она впала в летаргию на три сезона, а потом очнулась и всех испепелила лазером из глаз.

- Закрой пасть, кибернетик, - поморщился Граф, прижимая ладонь к ноющему желудку. - В подвал ее. На панцирную кровать. Связать руки, но без фанатизма, чтобы не пережать кровоток. Включить тусклый свет. Мы должны предстать перед ней монолитной скалой криминального неотвратимого рока. Всем надеть балаклавы!

В подвале царил полумрак. Пахло сырой штукатуркой, мышами, старыми лыжами и потрясающей, густой, звенящей тишиной, какая бывает только на дне Марианской впадины или в бомбоубежищах глубокого залегания.

Бык бережно опустил ковер на пружинную советскую кровать, скрипнувшую всеми своими ржавыми сочленениями, и ловко срезал бельевую веревку охотничьим ножом. Ковер с глухим звуком развернулся.

Надежда Васильевна Смирнова явила себя миру.

Розовый махровый халат слегка задрался, обнажив до-

машние шерстяные носки в веселую полоску (Надя благоразумно натянула их в СПА перед процедурой, потому что «полы везде холодные, а цистит не спит»). На голове монументальной башней высился тюрбан из полотенца. На лице толстым ровным слоем темнела засохшая грязь Мертвого моря, а на закрытых веках непоколебимо держались два сморщившихся кружочка огурца.

Надя лежала на спине, скрестив руки на груди, и мерно, ритмично, с легким бархатным присвистом дышала.

Граф встал в центр комнаты, картинно расправил плечи, заложил руку за борт помятого драпового пальто и откашлялся, настраивая замогильный баритон.

- Гражданка Кондратьева! - торжественно произнес он в темноту подвала. - Час расплаты настал. Ваше беззаботное буржуазное существование окончено. Вы находитесь в руках тайного синдиката…

Надя не шелохнулась. Огурец на левом глазу слегка дрогнул в такт глубокому выдоху.

- Стелла Эдуардовна! - повысил голос Граф, теряя пафос. - Я к вам обращаюсь! Не делайте вид, что не слышите! Мы знаем ваши методы саботажа. Любое сопротивление бессмысленно!

Тишина. Только где-то в углу мерно капала вода из ржавой трубы: кап… кап… кап…

- Граф, она, походу, кончилась, - испуганно прошептал Бык, пряча нож за спину. - Мы ее придушили в ковре. Век

воли не видать, я не сильно затягивал! Я бантиком вязал!

- Не неси чушь! - занервничал главарь. - Димон, проверь пульс!

Хакер подошел к кровати на цыпочках, вытянул дрожащую руку и робко ткнул пальцем в предплечье Надежды.

Реакция последовала незамедлительно. Тело на кровати инстинктивно дернуло рукой, нащупало край ветхого армейского одеяла, валявшегося у изголовья, резко натянуло его до самого подбородка и глухо, сквозь сон, пробормотало: - Денис, отстань от брата… Гречка на плите… Свет выключи, скотина…

После чего перевернулась на правый бок, подложила ладонь под щеку и захрапела с новой силой - глубоко, со вкусом, как человек, выполнивший годовой план по труду и обороне.

Бандиты застыли треугольником вокруг кровати. Бык нервно переглянулся с Димоном.

- Слышь, Граф… - почесал затылок под балаклавой Бык. - А почему она меня Денисом назвала? И какая гречка? У них же там, на Рублевке, вроде одни устрицы да кокаин на завтрак?

- Конспирация, - неуверенно протянул Граф, вытирая платочком холодный пот со лба. - Бредит. Защитный механизм психики. Пытается симулировать простолюдинку, чтобы сбить нас с толку. Швейцарская школа разведки, не иначе.

- А огурцы с глаз снять? - спросил Димон. - Вдруг они ядовитые? Вдруг это нано-датчики слежения с GPS-модулем, замаскированные под овощи?!

- Сам ты овощ, - огрызнулся Граф. - Не трогать заложницу. Пусть осознает весь ужас своего положения. Утром, когда очнется в темноте и холоде, спесь с нее мигом слетит. Пошли наверх. Надо подготовить аппаратуру для связи с ее мужем и заказчиком.

Они вышли на цыпочках, аккуратно прикрыв тяжелую дубовую дверь на массивный железный засов.

***

Надежда Смирнова проснулась от самого противоестественного, самого пугающего ощущения, с которым только может столкнуться мать четверых детей.

Было *ТИХО*.

Не просто тихо, когда дети замышляют недоброе и мажут кота зубной пастой в ванной (в такой тишине всегда есть напряженное шипение и шорох падающих предметов). Это была абсолютная, стерильная, космическая тишина.

Никто не орал: «Ма-а-ам, Павлик съел пластилин!». Никто не гремел кастрюлями, требуя добавки. Никто не врубал в восемь утра мультики про синий трактор на максимальной громкости. Сверху не сверлил сосед-перфораторщик. Телефон на тумбочке не разрывался от истерических сообщений родительского чата: «Срочно сдать по 500 рублей на шторы и принести поделку из желудей к первому уроку!».

Надя полежала с закрытыми глазами еще минут десять, наслаждаясь моментом. Воздух был прохладным, пахло сыростью и старым деревом - точно как на даче у тети Любы в 1996 году. Матрас под спиной приятно прогибался, создавая эффект невесомости.

Надя медленно открыла глаза.

Кружочки огурцов давно отвалились и засохли на подушке. Черная грязевая маска потрескалась и приятно стягивала кожу, создавая ощущение качественного лифтинга.

Надя села на кровати. Огляделась.

Серые бетонные стены. Высокое маленькое окошко под самым потолком, затянутое паутиной, сквозь которое пробивался бледный луч ноябрьского солнца. Массивная дверь с задвижкой. В углу - ведро, кривой деревянный стол и табурет.

- Батюшки, - тихо сказала Надя вслух, и ее голос приятно отозвался гулким эхом. - Подвал. Настоящий, глухой подвал.

Она встала, подошла к стене, постучала костяшками пальцев. Монолит. Звукоизоляция - мечта любого жителя панельной девятиэтажки.

В голове быстро выстроилась логическая цепочка.

Вчера она была в СПА-салоне. Потом ее замотали в ковер и куда-то везли (это Надя смутно помнила). Потом ее выгрузили здесь. Дверь закрыта снаружи. Значит - похитили.

Любая нормальная женщина на ее месте забилась бы в угол, начала рвать на себе волосы и молить о пощаде. Но На-

дежда Смирнова была матерью шестнадцатилетнего Артема, одиннадцатилетней Вики, семилетнего Дениса и трехлетнего Павлика. Ее психику невозможно было сломать похищением. Ее психика закалялась в очередях в детскую поликлинику в грудничковый день и на собраниях жильцов дома по вопросу установки шлагбаума.

- Так, - деловито рассудила Надя, поправляя пояс розового халата. - Если это бандиты, значит, они чего-то хотят. Если бы хотели убить - убили бы сразу, на меня патроны тратить нерационально, я в пуховике не выгляжу как миллионер. Значит, будут требовать выкуп.

Надя представила лицо своего мужа Валеры, которому звонят с требованием выкупа. Валера долго будет искать в кармане зажигалку, потом спросит: «А в рассрочку можно? А то у нас ипотека и за автошколу надо платить».

- Выкуп они будут ждать долго, - с легким злорадством констатировала Надежда. - Домой мне нельзя. Дома меня ждут пять килограммов нечищеной картошки, две стирки постельного белья и проект по окружающему миру «Жизнь дождевого червя зимой». А здесь…

Она посмотрела на старую панцирную кровать.

- А здесь меня никто не трогает.

Надя сладко потянулась, залезла обратно под одеяло, свернулась калачиком, натянула ткань до самых ушей и закрыла глаза. Спать после четырнадцати часов сна хотелось еще сильнее. Организм требовал наверстать упущенное за

четыре декрета подряд.

***

Наверху, в бывшей учительской базы «Березка», обстановка накалялась до предела.

Граф нервно мерил шагами комнату, держа в руке чашку с остывшим растворимым кофе. Леха-Бык сидел на табурете и с маниакальным упорством вязал пятку шерстяного носка. Димон за ноутбуком лихорадочно листал криминальные сводки.

- Прошло шестнадцать часов! - паниковал Граф. - Шестнадцать часов, черт бы вас побрал! Почему она не стучит в дверь?! Почему она не орет: «Выпустите меня, твари, мой муж сотрет вас в порошок»?! Где истерика? Где звон выбитого окна?

- Граф, я ж говорю - померла, - вздохнул Бык, не отрываясь от спиц. - От разрыва сердца. Богатые - они хлипкие. Чуть что - сразу инфаркт миокарда и отек Квинке. Надо было ей хоть валидолу в ковер сунуть.

- Заткнись! - рявкнул главарь. - Димон, камеры в подвале нет?

- Какая камера, шеф? - обиделся Хакер. - Тут проводка со времен Олимпиады-80 не менялась. У меня роутер на березе висит, чтобы хоть 3G поймать.

- Идем вниз, - решительно скомандовал Граф, доставая незаряженный пистолет и поправляя вязаную маску. - Будем ломать ее морально. Никаких поблажек. Начнем с допроса

третьей степени. Леха, бери монтировку для антуража. Димон, включай диктофон.

Они спустились по лестнице с грозным топотом, специально стараясь производить как можно больше шума. Граф с лязгом отодвинул засов, ногой распахнул дубовую дверь и ворвался в подвал, выставив ствол вперед:

- Всем оставаться на своих местах! Руки за голову, мордой к стене!

Бык угрожающе зарычал и ударил монтировкой по железной спинке свободной кровати. Звук получился оглушительным.

На кровати зашевелилось одеяло.

Из-под него показалась голова Надежды. Полотенце-тюрбан слегка сбилось набок, придавая ее облику сходство с разгневанным турецким пашой. Потрескавшаяся черная глина на лице делала взгляд горящих серых глаз поистине инфернальным.

Надя медленно села, смерила троих вооруженных людей в масках тяжелым, испепеляющим взглядом - точно таким же, каким она обычно встречала мужа Валеру, вернувшегося в три часа ночи с «гаражных посиделок» без зарплаты, и громко, четко сказала:

- Вы в своем уме, ироды?!

Граф поперхнулся заготовленной фразой про «кровавую гебню и миллионные счета». Пистолет в его руке предательски дрогнул.

- Чего шумите, как стадо бизонов?! - продолжала отчитывать их заложница, поднимаясь во весь рост и запахивая халат цвета фуксии. - Я только-только уснула! Первый раз за пять лет до фазы глубокого сна дошла, а вы тут железками гремите! Кто так дверь открывает? Сквозняк же устроили! А если у меня поясницу прихватит, вы меня на уколы возить будете?!

- Слышь, ты… Стелла… - попытался вставить слово Бык, но стушевался под ее взглядом.

- Какая я тебе Стелла, олух?! - Надя подошла к двухметровому громиле вплотную и уперла руки в бока. - У тебя глаза есть? Или я тебе на рублевскую шаболду похожа, которая денег не считает? Да у меня четверо по лавкам сидят, мал мала меньше! Ты зачем монтировкой по железу бьешь? Эмаль отколешь - сам красить будешь?!

- Я… я это… для устрашения… - пролепетал Бык, пряча монтировку за спину, как нашкодивший первоклассник дневник с двойкой.

- Устрашитель нашелся, - фыркнула Надя. Она подошла к Графу, который пятился к выходу, держась за живот. - А ты чего ствол на меня наставил? На предохранитель поставь, дурачок, у тебя же палец на спуске дрожит! Случайно нажмешь - греха не оберешься. И вообще, почему у тебя лицо такое зеленое? Язва?

Граф замер с открытым ртом под прорезью маски:

- Откуда… откуда вы знаете?

- По глазам вижу и по тому, как ты правый бок ладошкой греешь, - отрезала Надя. - У меня свекор с такой же физиономией три года ходил, пока я его зверобоем с семенем льна не отпоила. Таблетки небось горстями жрешь, а диету номер один не соблюдаешь? Жареное жрешь? Кофе растворимый хлещешь?

Граф виновато опустил пистолет:

- Ну… сосиски жарили вчера… с майонезом…

- Смертники, - резюмировала заложница, покачав головой. - Чистые смертники. Так, бандиты. Вопрос номер один: где здесь нормальный санузел, чтобы смыть эту рублевскую грязь, пока она мне в поры намертво не въелась? Вопрос номер два: что у вас на кухне есть, кроме просроченного майонеза?

Димон, стоявший в дверях, робко поднял руку:

- Там… там туалет на этаже, горячая вода из бойлера есть. А из еды - гречка в пакетах и две банки кильки в томате…

- Господи, - вздохнула Надя, поправляя тюрбан. - Ни украсть по-человечески не умеют, ни язву вылечить. Ведите наверх. Будем наводить порядок. Но учтите: если вы меня попытаетесь вернуть домой раньше, чем через две недели - я за себя не отвечаю. Я в полицию пойду и скажу, что вы меня от семьи любимой похитили и пытали! Чуть четверых детишек без матери не оставили! Поняли?

Трое опасных преступников синхронно кивнули.

- Шагом марш, - скомандовала «Мать года», выходя из

подвала первой. - И бахилы наденьте, если в дом пойдете, развели тут свинарник…

Бык подождал, пока розовый халат скроется за поворотом лестницы, наклонился к Графу и шепотом спросил: - Граф… А может, мы не ту бабу украли? Что-то она на жену олигарха не очень-то похожа. Может, это какой-то спецагент под прикрытием?

- Хуже, Леха, - скорбно ответил Граф, пряча пистолет в карман драпового пальто. – Походу, это многодетная мать на грани нервного срыва. Как уснет, разберемся, кто такая, а пока держись рядом и, ради бога, не перечь ей, а то она нас обоих заставит полы мыть.

Глава 3. Звонок с того света и коварный замысел Карташова

В тридцати километрах от заброшенной базы «Березка», в пентхаусе из монолитного бетона и тонированного бронестекла, вершились судьбы подмосковного девелопмента.

Виктор Карташов, человек с внешностью холеного хорька и моральными принципами голодной гиены, нервно полировал замшевой тряпочкой золотой «Паркер». На столе перед ним лежала копия конкурсной документации на реконструкцию исторической набережной. Двадцать миллиардов рублей бюджетных средств. Куш, ради которого Карташов был готов продать душу, маму и весь совет директоров в придачу.

Единственным бревном на его пути к триумфу оставался Аркадий Кондратьев. Кондратьев строил на века, брал дешевле, взятки чиновникам давать брезговал и обладал бесящей репутацией честного бизнесмена. Сломать его по закону было невозможно. Значит, оставалось ударить по самому дорогому. По жене.

Зазвонил защищенный телефон. Карташов смахнул блокировку:

- Граф? Докладывай. Птичка в клетке?

Из динамика донеслось странное шуршание, сопровождаемое мерным металлическим стуком и звуком работающего

миксера.

- Виктор Сергеевич… - голос Графа звучал так, будто его только что пропустили через центрифугу стиральной машины на максимальных оборотах. - Объект локализован. Находится на консервации в секторе «Березка». Но тут… возникли некоторые культурологические нюансы.

- Какие еще нюансы?! - взвился Карташов. - Она плачет? Умоляет? Ты видео для Кондратьева записал?! Мне нужно, чтобы этот железобетонный баран увидел, как его ненаглядная Стеллочка размазывает тушь по щекам и молит его бросить тендер!

- Видите ли, - замялся Граф, приглушая трубку рукой (на заднем плане отчетливо раздался грозный женский окрик: «Эдуард, пенку с бульона сними, кому говорю, язва твоя не дремлет!»). - Объект… морально дестабилизирует личный состав. Плакать отказывается. Требует проветрить помещение и привезти чистящее средство с хлором.

Карташов замер с золотой ручкой в воздухе. - Граф, ты идиот? Это шок! Это истерический синдром отрицания! Звони Кондратьеву прямо сейчас. Требуй пять миллионов зеленых и немедленный отзыв его заявки с аукциона. Дай ей трубку на три секунды, пусть визгнет в микрофон! Если до вечера Кондратьев не сольется - я вас всех скормлю бетономешалке. Время пошло!

***

В этот же самый момент в собственном офисе Аркадий

Кондратьев методично вбивал мячи для гольфа в механическую лунку на ковре. Он был спокоен, как гранитная набережная, которую собирался строить.

Единственное, что слегка портило идеальную картину мира - странная записка от жены, обнаруженная утром на мраморном кухонном острове: *«Аркаша, я ушла в глубинную трансформацию матрицы. Не ищи меня, я в потоке. Деньги на карте не блокируй, мне нужно оплатить чистку чакр»*.

- Опять на какой-то шабаш укатила, - проворчал Кондратьев, загоняя очередной мяч в лунку. - То дыхание маткой, то стояние на гвоздях. Хоть бы раз борщ сварила для разнообразия…

Внезапно его личный, совершенно секретный спутниковый телефон, номер которого знали всего четыре человека в мире (включая министра строительства и личного стоматолога), зашелся истерической трелью.

На экране высветился неопознанный номер с кодом Сомали.

Кондратьев нажал кнопку:

- Слушаю.

В трубке зашипело, щелкнуло, и замогильный голос с явными признаками простудного ларингита произнес:

- Аркадий Кондратьев? Твоя сладкая птичка сменила золотую клетку на подземелье скорби.

Кондратьев поморщился и опустил клюшку:

- Какая еще птичка? Какое подземелье? Вы кто вообще?

Если это спам с предложением оформить кредитную карту - я ваш колл-центр с землей сровняю.

- Это не спам, буржуй! - взвизгнул голос, сорвавшись на фальцет. - Мы похитили твою жену Стеллу! Она у нас! В темном, сыром, кишащем крысами бункере! Одно наше движение - и ее прекрасное личико станет воспоминанием!

Кондратьев на секунду онемел. В голове щелкнули шестеренки. Он вспомнил утреннюю записку, пустую гардеробную, тишину в доме. Стеллу реально украли?! Прямо из СПА?!

- Сколько? - сухо, по-деловому спросил олигарх, подходя к окну. Внутри у него все похолодело, но бизнес-хватка сработала на автомате. - И какие гарантии?

- Пять миллионов долларов мелкими немаркированными купюрами! - зачитал по бумажке Граф. - И главное: ты снимаешь компанию «Монолит-Строй» с тендера по набережной! Официальный отказ должен быть опубликован на сайте госзакупок сегодня до шести вечера! Иначе… иначе мы лишим ее трехразового питания!

- Послушай, террорист недоделанный, - жестко перебил Кондратьев. - Пять миллионов кэшем за три часа я не соберу, банки закрыты. Максимум два с половиной и то половина в юанях. А по поводу тендера… Ты передай тому крысенышу, который тебя нанял, что я на набережной уже сваи забил! Дай трубку жене. Я должен слышать ее голос.

***

На кухне базы «Березка» царила атмосфера полевой кухни гвардейского полка.

Бык в фартуке из клеенки, высунув от усердия язык, фигурно нарезал вареную свеклу кубиками размером ровно в пять миллиметров. Димон, получивший от заложницы тяжелой деревянной ложкой по лбу за попытку съесть банку сгущенки без хлеба, послушно чистил трехлитровую кастрюлю мелкой картошки.

Сама Надежда Васильевна, закатав рукава ядовито-розового халата, стояла у четырехконфорочной плиты. В воздухе плыл умопомрачительный, густой, наваристый аромат настоящего борща на копченых ребрышках (которые Надя чудесным образом отыскала в морозилке, погребенные под слоем льда пятилетней давности).

В кухню на цыпочках вбежал Граф с телефоном в вытянутой руке. Глаза главаря были круглыми от ужаса.

- Женщина! - зашипел он, прикрывая микрофон ладонью. - Быстро! Он требует доказательств! Скажи что-нибудь жалобное! Заплачь! Скажи, что тебе страшно, темно и нечем дышать!

Надя убавила огонь на плите, вытерла руки о вафельное полотенце и смерила Графа подозрительным взглядом:

- Это кто там? Твой сообщник? Или снабженец?

- Муж твой! То есть… олигарх этот, Кондратьев! - взмолился Граф. - Он торгуется, как на базаре! Плакать надо, понимаешь?! Визжи в трубку!

Надя вздохнула, отобрала у бандита телефон, прижала к уху и рявкнула своим фирменным голосом, которым обычно усмиряла родительский комитет на выездных экскурсиях:

- Аркадий?! Ты в своем уме вообще?!

На том конце провода Кондратьев от неожиданности выронил клюшку для гольфа прямо на ногу. Голос жены… Но какой-то не такой. Никакого привычного манерного сюсюканья, никакого «котика», никаких жалоб на ретроградный Меркурий. Голос звучал так, словно им можно было колоть лед в промышленных масштабах.

- С-стелла?.. - опешил олигарх. - Дорогая, ты жива? Они тебя бьют?!

- Кто меня бить будет, эти задохлики?! - возмутилась Надя. - Они суп от каши отличить не могут! Аркадий, ты почему с людьми торгуешься, как жмот последний?! У них тут ни стирального порошка нормального, ни масла сливочного, одна килька в томате и сквозняки гуляют! Ты нормальный мужик или где?!

Кондратьев медленно опустился в кожаное кресло, судорожно глотая воздух. - Стелла… ты требуешь стиральный порошок?

- Я требую, чтобы ты не позорился! - отчитывала его Надя. - Переведи ребятам аванс на карту! Им продукты закупать надо! У них главарь - зеленый весь, язвенник со стажем, ему парное мясо нужно и овсяный кисель три раза в день, а ты миллионы зажал! И тендер свой не смей сливать, ишь че-

го удумал - государственные деньги конкурентам отдавать! Работай давай, я за тобой слежу! Все, некогда мне, у меня зажарка горит!

Надя нажала красную кнопку отбоя, сунула раскаленный телефон обратно в онемевшие пальцы Графа и вернулась к плите.

- Так, бандиты, - строго сказала она, помешивая борщ. - Кто еще раз трубку снимет без моего ведома - останется без чесночных гренок. Толик, свеклу дорезал? Не мельчи, это тебе не оливье!

Бык вытянулся в струнку:

- Так точно, тетенька! Уже в кастрюлю кидаю!

Граф медленно сполз по стенке коридора, держась за сердце.

***

В своем кабинете Аркадий Кондратьев сидел в абсолютной прострации около пяти минут. Он смотрел на замолчавший телефон, как на ожившую инопланетную форму жизни.

В дверь деликатно постучал начальник службы безопасности - двухметровый отставной полковник ГРУ по фамилии Шведов.

- Аркадий Николаевич, вызывали? Что с похищением? Группу захвата поднимать? Пеленгаторы включили, звонок шел через спутник, но квадрат примерный вычисляем…

Кондратьев медленно поднял на него глаза. В глазах олигарха читался сложнейший мыслительный процесс.

- Шведов… - тихо произнес Кондратьев. - Ты мою жену знаешь?

- Так точно. Стелла Эдуардовна. Приятная дама, увлекается ароматерапией и астрологией.

- Так вот, Шведов. Ее только что подменили.

- В смысле? Пытали? Морально сломали?

- Хуже, - Кондратьев нервно потер переносицу. - Она только что наорала на меня за то, что я сбиваю цену выкупа, приказала перевести похитителям денег на сливочное масло, запретила сливать тендер и пообещала оторвать мне голову, если я не позабочусь о язве главаря банды.

Шведов нахмурился, переваривая информацию:

- Стокгольмский синдром в острой маниакальной фазе?

- Нет, Шведов, - Кондратьев вдруг впервые за три года искренне, во все горло расхохотался. - Это не синдром. Это характер! Господи, я на ней шесть лет женат, и все шесть лет думал, что она умеет только закатывать глаза и тратить деньги на вип-ретриты! А она… она же кремень! Она же кризис-менеджер от бога! Она за несколько часов захватила банду изнутри и строит их там по стойке смирно!

Олигарх вскочил из-за стола, с размаху вогнал последний мяч точно в лунку и хлопнул безопасника по плечу:

- Отставить штурм, Шведов! Никакого спецназа! Не спугните мне жену! Карташов хотел меня сломать? Хрен ему по всей морде! Заявку на тендер подтвердить! А похитителям…

Кондратьев хитро прищурился:

- Найди способ анонимно закинуть на их спутниковый счет тысяч двести рублей. На сливочное масло и парное мясо для главаря. Пусть Стеллочка там отдохнет, наберется сил. Она мне такой на набережной ох как пригодится!

Глава 4. Гастрономический переворот и трудотерапия

В криминально

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.